

У САМАГО МОРЯ

I

Бухты изрѣзали низкій берегъ,
Всѣ паруса убѣжали въ море,
А я сушила соленую косу
За версту отъ земли на плоскомъ камнѣ.
Ко мнѣ приплывала зеленая рыба,
Ко мнѣ прилетала бѣлая чайка,
А я была дерзкой, злой и веселой
И вовсе не знала, что это—счастье.
Въ песокъ зарывала желтое платье,
Чтобъ вѣтеръ не сдулъ, не унесъ бродяга,
И уплывала далеко въ море,
На темныхъ, теплыхъ волнахъ лежала.
Когда возвращалась, маякъ съ востока
Уже сіялъ переменнымъ свѣтомъ,
И мнѣ монахъ у воротъ Херсонеса
Говорилъ: „Что ты бродишь ночью?“

Знали сосѣди—я чую воду,
И если рыли новый колодець,
Звали меня, чтобъ нашла я мѣсто
И люди напрасно не трудились.
Я собирала французскія пули,
Какъ собираютъ грибы и чернику,
И приносила домой въ подолѣ
Осколки ржавые бомбъ тяжелыхъ.
И говорила сестрѣ сердито:
„Когда я стану царицей,
Выстрою шесть броненосцевъ
И шесть канонерскихъ лодокъ,
Чтобы бухты мои охраняли
До самаго Фиолента“.
А вечеромъ передъ кроватью

Молилась темной иконкѣ,
Чтобъ градъ не побилъ черешень,
Чтобъ крупная рыба ловилась
И чтобы хитрый бродяга
Не замѣтилъ желтаго платя.

Я съ рыбаками дружбу водила.
Подъ опрокинутой лодкой часто
Во время ливня съ ними сидѣла,
Про море слушала, запоминала,
Каждому слову тайно вѣря.
И очень ко мнѣ рыбаки привыкли.
Если меня на пристани нѣту,
Старшій за мною слалъ дѣвчонку,
И та кричала: „Наши вернулись!
Свѣжую камбалу жарить будемъ“.

Сѣроглазъ былъ высокій мальчикъ,
На полгода меня моложе.
Онъ принесъ мнѣ бѣлыя розы,
Мускатныя бѣлыя розы,
И спросилъ меня кротко: „Можно
Съ тобой посидѣть на камняхъ?“
Я смѣялась: „На что мнѣ розы?
Только колятся больно!“— „Что же“—
Онъ отвѣтилъ— „тогда мнѣ дѣлать,
Если такъ я въ тебя влюбился“.
И мнѣ стало обидно: „Глупый!“—
Я спросила— „что ты—царевичъ?“
Это былъ сѣроглазый мальчикъ,
На полгода меня моложе.
„Я хочу на тебѣ жениться“,—
Онъ сказалъ— „скоро стану взрослымъ
И поѣду съ тобой на сѣверъ“...
Заплакалъ высокій мальчикъ,
Оттого что я не хотѣла
Ни розъ, ни вѣхать на сѣверъ.
Плохо я его утѣшала:
„Подумай, я буду царицей,
На что мнѣ такого мужа?“

„Ну, тогда я стану монахомъ“—
Онъ сказалъ—, у васъ въ Херсонесѣ.
„Нѣтъ, не надо лучше: монахи
Только дѣлаютъ, что умираютъ.
Какъ придешь—одного хоронятъ,
А другіе, знаешь, не плачутъ“.

Ушелъ не простившись мальчикъ,
Унесъ мускатныя розы,
И я его отпустила,
Не сказала: „Побудь со мною“.
А тайная боль разлуки
Застонала бѣлою чайкой
Надъ сѣрой помынной степью,
Надъ пустынной, мертвой Корсунью.

11

Бухты изрѣзали низкій берегъ,
Дымное солнце упало въ море.
Вышла цыганка изъ пещеры,
Пальцемъ меня къ себѣ поманила:
„Что ты, красавица, ходишь боса?
Скоро веселой, богатой станешь.
Знатнаго гостя жди до Пасхи,
Знатному гостю кланяться будешь;
Ни красотой твоей, ни любовью,
Пѣсней одною гостя приманишь“.
Я отдала цыганкѣ цѣпочку
И золотой крестильный крестикъ.
Думала радостно: „Вотъ онъ, милый,
Первую вѣсть о себѣ мнѣ подалъ“.

Но отъ тревоги я разлюбила
Всѣ мои бухты и пещеры;
Я въ камышѣ гадюкъ не пугала,
Крабовъ на ужинъ не приносила,
А уходила по южной балкѣ

За виноградники въ каменоломню,—
 Туда не короткой была дорога.
 И часто случалось, что хозяйка
 Хутора новаго миѢ кивада,
 Кликала издали: ,Что не заходишь?
 ВсѢ говорятъ—ты приносишь счастье'.
 Я отвѣчала: ,Приносятъ счастье;
 Только подковы да новый мѣсяцъ,
 Если онъ справа въ глаза посмотреть'.
 Въ комнаты я входить не любила.

Дули съ востока сухіе вѣтры,
 Падали съ неба крупныя звѣзды,
 Въ нижней церкви служили молебны
 О морякахъ, уходящихъ въ море,
 И заплывали въ бухту медузы,—
 Словно звѣзды, упавшія за ночь,
 Глубоко подъ водой голубѣли.
 Какъ журавли курлыкаютъ въ небѣ,
 Какъ безпокойно трещать цикады,
 Какъ о печали поетъ солдатка,—
 Все я запомнила чуткимъ слухомъ,
 Да только пѣсни такой не знала,
 Чтобы царевичъ со мной остался.
 Дѣвушка стала миѢ часто сниться
 Въ узкихъ браслетахъ, въ короткомъ платьѣ,
 Съ дудочкой бѣлой въ рукахъ прохладныхъ.
 Сядетъ спокойная, долго смотритъ,
 И о печали моей не спроситъ,
 И о печали своей не скажетъ,
 Только плечо мое нѣжно гладитъ.
 Какъ же царевичъ меня узнаетъ,
 Развѣ онъ помнить мои примѣты?
 Кто ему домъ нашъ старый укажетъ?
 Домъ нашъ совсѣмъ вдали отъ дороги.

Осень смѣнилась зимой дождливой,
 Въ комнатѣ бѣлой отъ оконъ дуло;
 И плющъ мотался по стѣнкѣ сада.
 Приходили на дворъ чужія собаки,

Подъ окошкомъ моимъ до разсвѣта выли.
Трудное время для сердца было.
Такъ я шептала на двери глядя:
,Боже, мы мудро царствовать будемъ,
Строить надъ моремъ большія церкви
И маяки высокіе строить.
Будемъ беречь мы воду и землю,
Мы никого обижать не станемъ'.

III

Вдругъ подобрѣло темное море,
Ласточки въ гнѣзда свои вернулись,
И сдѣлалась красной земля отъ маковъ,
И весело стало опять на взморьѣ.
За ночь одну наступило лѣто.
Такъ мы весны и не видали.
И я совсѣмъ перестала бояться,
Что новая доля минеть.
А вечеромъ въ Вербную Субботу,
Изъ церкви прийдя, я сестрѣ сказала:
,На тебѣ свѣчку мою и четки,
Библию нашу дома оставляю.
Черезъ недѣлю настанеть Пасха,
И мнѣ давно пора собираться,—
Вѣрно царевичъ уже въ дорогѣ,
Моремъ за мной онъ сюда прїѣдетъ'.

Молча сестра на слова дивилась,
Только вздохнула, помнила вѣрно
Рѣчи дыганкины у пещеры.
,Онъ привезетъ тебѣ ожерелье
И съ голубыми камнями кольца?
,Нѣтъ',—я сказала—,мы не знаемъ,
Какой онъ подарокъ мнѣ готовитъ'.

Были мы съ сестрой однолѣтки,
И такъ другъ на друга похожи,
Что маленькихъ насъ различала

Только по родинкамъ наша мама.
Съ дѣтства сестра ходить не умѣла,
Какъ восковая кукла лежала;
Ни на кого она не сердилась
И вышивала плащаницу.
Бредила даже во снѣ работой,
Слышала я, какъ она шептала:
,Плащъ Богородицы будетъ синимъ...
Боже, апостолу Іоанну
Жемчужинъ для слезъ достать миѣ негдѣ'...

Дворикъ заросъ лебедой и мятой,
Осликъ щипалъ траву у калитки,
И на соломенномъ длинномъ креслѣ
Лена лежала, раскинувъ руки,
Все о работѣ своей скучала,—
Въ праздникъ такой грѣшно трудиться.
И приносилъ къ намъ соленый вѣтеръ
Изъ Херсонеса звонъ пасхальный.
Каждый ударъ отдавался въ сердцѣ,
Съ кровью по жиламъ растекался.
,Леночка',—я сестрѣ сказала—
,Я ухожу сейчасъ на берегъ.
Если царевичъ за мной пріѣдетъ,
Ты объясни ему дорогу.
Пусть онъ меня въ степи нагонитъ.
Хочется на море миѣ сегодня'.
,Гдѣ же ты пѣсенку услышала,
Ту, что царевича приманитъ',—
Глаза пріоткрывъ, сестра спросила:
,Въ городѣ ты совсѣмъ не бываешь,
А здѣсь поютъ не такія пѣсни'.
Къ самому уху ея склонившись,
Я прошептала: ,Знаешь, Лена,
Вѣдь я сама придумала пѣсню,
Лучше которой нѣтъ на свѣтѣ'.
И не повѣрила миѣ и долго,
Долго съ упрекомъ она молчала.

IV

Солнце лежало на днѣ колодца,
Грѣлись на камняхъ скалопендры,
И убѣгало перекати-поле,
Словно паяцъ горбатый кривляясь,
А высоко взлетѣвшее небо
Какъ Богородицынъ плащъ синѣло,—
Прежде оно такимъ не бывало.
Легкія яхты съ полдня гонялись,
Бѣлыхъ бездѣльницъ столпилось много
У Константиновской батареи,—
Видно имъ вѣтеръ нынче удобный.
Тихо пошла я вдоль бухты къ мысу,
Къ чернымъ, разломаннымъ, острымъ скаламъ,
Гулкимъ и чернымъ во время прибоя,
И повторяла новую пѣсню.
Знала я: съ кѣмъ бы царевичъ ни былъ,
Слышать онъ голосъ мой, смутившись,—
И оттого мнѣ каждое слово
Какъ Божій подарокъ было мило.
Первая яхта не шла — летѣла,
И догоняла ее вторая,
А остальные едва видѣлись.

Какъ я легла у воды — не помню,
Какъ задремала тогда — не знаю,
Только очнулась и вижу: парусъ
Близко полощется. Передо мною,
По поясъ стоя въ водѣ прозрачной,
Шарить руками старикъ огромный
Въ щеляхъ глубокихъ скалъ прибрежныхъ,
Голосомъ хриплымъ зоветъ на помощь.
Громко я стала читать молитву,
Какъ меня маленькую учили,
Чтобы мнѣ страшное не приснилось,
Чтобъ въ нашемъ домѣ бѣдъ не бывало.
Только я молвила: „Ты Хранитель!“
Вижу—въ рукахъ старика бѣлѣть

Что то, и сердце мое застыло...
Вынесъ морякъ того, кто правилъ
Самой веселой, крылатой яхтой,
И положилъ на черные камни.

Долго я вѣрить себѣ не смѣла,
Пальцы кусала, чтобы очнуться:
Смуглый и ласковый мой царевичъ
Тихо лежалъ и глядѣлъ на небо.
Эти глаза зеленѣ моря
И кипарисовъ нашихъ темнѣ.
Видѣла я, какъ они погасли...
Лучше бы мнѣ слѣпою родиться.
Онъ застоналъ и невнятно крикнулъ:
,Ласточка, ласточка, какъ мнѣ больно!'
Вѣрно я птицей ему показалась.

Въ сумерки я домой вернулась.
Въ комнатѣ темной было тихо,
И надъ лампадкой стоялъ высокій,
Узкій малиновый огонечекъ.
,Не приходилъ за тобой царевичъ',—
Лена сказала, шаги услышавъ:
,Я прождала его до вечерни
И посылала дѣтей на пристань'.
,Онъ никогда не придетъ за мною,
Онъ никогда не вернется, Лена.
Умеръ сегодня мой царевичъ'.
Долго и часто сестра крестилась;
Вся повернувшись къ стѣнѣ, молчала.
Я догадалась, что Лена плачетъ.

Слышала я—надъ царевичемъ пѣли:
,Христось воскресе изъ мертвыхъ',—
И несказаннымъ свѣтомъ сіяла
Круглая церковь.